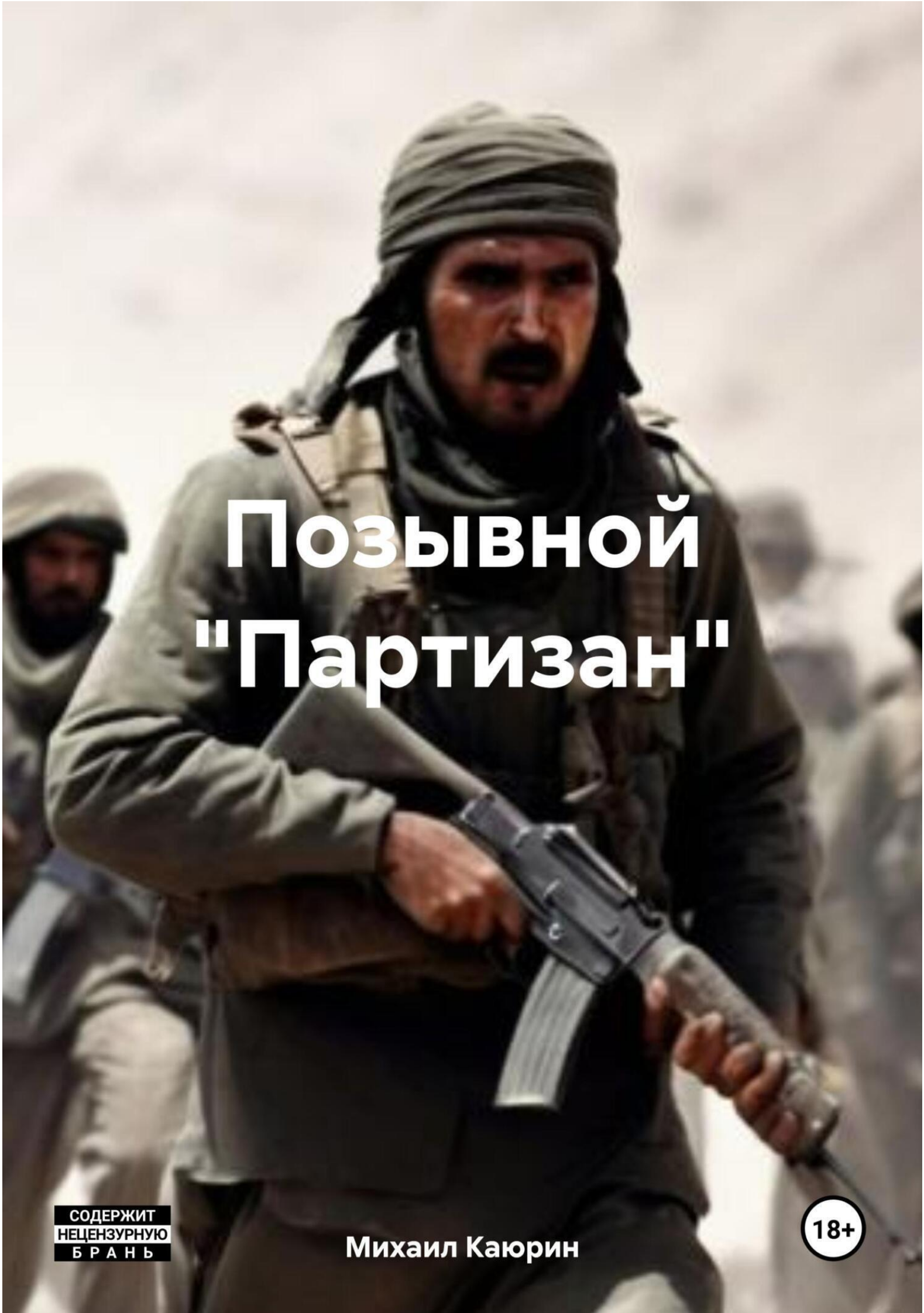

Позывной
"Партизан"
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
Михаил Каюрин
18+

Михаил Каюрин

Позывной «Партизан»

«Автор»
2022

Каюрин М. А.

Позывной «Партизан» / М. А. Каюрин — «Автор», 2022

Он не помышлял стать военным, получив звание лейтенанта запаса после окончания института. Он – талантливый инженер и отличный семьянин. Однако, семейная идиллия взорвалась в одночасье – измена жены круто изменила его жизнь. Он обращается к военкому с просьбой отправить его на войну в Афганистан. После обучения в школе спецназа ГРУ разведчик с позывным «Партизан» становится командиром группы охотников за караванами моджахедов. Выполняя одно боевое задание за другим, он даже не подозревал, что станет разменной картой в большой игре полковника спецразведки Сурмягина…

© Каюрин М. А., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Измена 5
Школа выживания. 8
На пути в Кабул. 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Михаил Каюрин
Позывной "Партизан"

Измена

Сергей Морин трудился на двух работах и приходил домой поздно вечером. Ужинал и ложился спать.

Однажды он освободился раньше обычного. Вышел из автобуса и направился по тропинке к дому. Улица посёлка была темна, лишь ярко-жёлтые огоньки из подслеповатых окон подсвечивали ему путь.

Поравнявшись с забором соседа, он услышал приглушённый разговор. Под кустом сирени виднелись две фигуры. Словно током пронзило Сергея, когда он услышал голос своей жены. Он замер, потом тихонько отступил назад и спрятался за стволом старого тополя.

Отчётливо слышался мужской тенорок.

– Погоди, Катюша, давай постоим ещё немного. Твой увалень не скоро ещё вернётся, – убеждал мужчина его жену. – А придёт – набьёт харчем своё брюхо и завалится дрыхнуть. Не до любви ему, не до тебя, милая. Когда он в последний раз ласкал тебя, когда обнимал? – допытывался ухажёр.

– Не смей так говорить о моём муже, – рассерженно проговорила Катя. – Серёжа всё делает для меня и для дочери. Он просто очень устаёт на работе.

– Он устаёт, а ты, небось, и рада, что не нужно ложиться под него против желания, без любви и страсти к нему?

– Прекрати немедленно, иначе я уйду.

– Ну, прости, пошутил я. Не могу смириться с тем, что любишь ты меня, а продолжаешь жить с ним. Меня коробит от мысли, что он может обнять тебя, когда угодно: вечером, днём, среди ночи. А я – как вор, могу ласкать только в лесу или, когда стемнеет. Не устраивают меня такие отношения. Хочу жить с тобой нормально.

– Всё, не хочу больше слушать тебя. Не быть этому, запомни, пока…

Последовал долгий страстный поцелуй и, вырвавшись из объятий, Катерина поспешила к своей калитке. Игорь постоял ещё некоторое время, потом направился в избу. Послышался звук закрывшейся за ним входной двери.

Сергей продолжал стоять, не двигаясь.

«Пойти следом за любовником и набить ему морду? – первое, что пришло ему в голову. – Нет, пожалуй, не стоит. Пойду домой, посмотрю реакцию жены. Понаблюдаю, есть ли в ней артистический дар? Даже любопытно, черт подери!»

Он не сделал ни того, ни другого. Пошёл к известной в посёлке самогонщице. Взял у неё бутылку и спустился к реке. Просидел там ровно до того часа, когда обычно возвращался домой.

Скандал Сергей не закатывал. Лениво потыкал макароны с тушёнкой и завалился спать. Всё сделал с абсолютной точностью, как говорил любовник жены.

Он долго не вызывал жену на откровенный разговор – думал, взвешивал, размышлял. Наконец, приняв для себя окончательное решение, спросил за ужином, взглянув ей в лицо:

– Скажи-ка ты мне, любимая жёнушка: что за шашни у тебя с нашим соседом?

– О чём это ты, Серёжа? – задала встречный вопрос жена, опустив взгляд. Сергей уловил, как дрогнули её веки.

– В посёлке начали шушукаться по углам о твоих тайных встречах с ним.

– И ты веришь сплетням? – спросила Катерина, не осмелившись поднять глаза.

– Опа! Да ты, я смотрю, и врать уже научилась! – с усмешкой проговорил Сергей. – Это не сплетни, Катюша, и ты сама прекрасно знаешь об этом. Люди не плетут ложных интриг – изменяла ты мне и не один раз. Вытягивать из тебя признания о содеянном я не намерен. Можешь оставить подробности любовных сцен при себе. Оправдания мне не нужны. Врать не советую, простить не смогу.

– Дался тебе этот Игорь! Ну, провожал пару раз, что в этом предосудительного? – не желая признаваться, воскликнула Катерина.

– Ну, тёрлись в подворотне, ну, целовались невинно, подумаешь? – раздражённо добавил Сергей. – Если бы сам я не видел ваших страстных объятий – никогда бы не спросил тебя о соседе.

Лицо жены побелело. Она испугалась.

– Что ты так перепугалась? Не бойся, милая, устраивать истерику и бить тебя я не буду. Десантник никогда не поднимет руки на женщину. Битый горшок уже не восстановить. Для себя я уже всё решил.

– Что решил? – дрожащим голосом спросила Катерина, наконец-то, подняв глаза на мужа.

– Я подал заявление в военкомат. Попросил отправить меня в Афганистан. Там сейчас требуются офицеры. Я служил в ВДВ, после военной кафедры института получил звание лейтенанта. Вчера моё заявление было удовлетворено. Так что, решение принято и не может быть отменено.

До Кати не сразу дошёл полный смысл сказанного. Она страдальчески всхлипнула и ухватилась рукой за стул.

– Что ты говоришь, Серёжа? Какой Афганистан? Ты собрался на войну? Зачем? – в уголках глаз выступили слёзы.

– Это единственный выход, дорогая, чтобы как можно скорее забыть о твоём предательстве и не наломать дров, – заявил Сергей. – Боюсь, долго не выдержу мирного сосуществования с нашим соседом и однажды покалечу твоего возлюбленного.

Сергей умолк, потом, усмехнувшись, добавил:

– Лучше уж далёкая страна, чем места не столь отдалённые.

Катерина нервно подёрнула плечами. Глаза её смотрели тоскливо, в них отражалось наступившее отчуждение. Некоторое время оба молчали.

– Когда уезжаешь? – тихим голосом поинтересовалась жена.

– Послезавтра.

– Так скоро?

– Да, так скоро. Проездные документы у меня на руках.

Катерина не удержалась, громко расплакалась. Потом встала и удалилась в спальню.

В эту ночь они впервые спали порознь, каждый со своими думами в голове. Дочь Анюта забралась в кроватку раньше отведённого ей времени, будто предчувствовала тяжёлый разговор родителей, и давно уже посапывала, не догадываясь о своей дальнейшей судьбе.

Когда утро набрало силу, Сергей пошёл в церковь. Он и сам не знал, по какой причине отправился туда. Вспомнил, как перед отправкой в армию мать почти силком отправила его в храм божий. Тогда, стесняясь друзей, втайне от них, он, всё-таки, исполнил волю матери. Сейчас никто не заставлял его посетить святое место – он отправился туда по внутреннему убеждению. Какие-то сторонние силы понудили его к этому, и он пошёл.

У церкви с утра было безлюдно, лишь чёрное вороньё с надрывным карканьем проносилось над колокольней.

Он несмело взялся за большую ручку на зелёной двери, потянул на себя и вошёл в храм. Тихо прошёл по залу, остановился у икон. Ему показалось, что лики святых обращены только в его сторону. Сергей плохо разбирался в них, изображённых на иконах, и поэтому, помедлив, подошёл к изображению Святого Ангела-хранителя. Его он узнал по крыльям. Когда-то, в

далёком детстве, по просьбе бабушки, очень набожной старушки – матери отца – он составлял на тетрадном листке два списка – усопших и здравствующих.

– Боженька наш отблагодарит тебя, внучек, – говорила бабушка, брала списки и отправлялась в церковь.

Он выучил несколько молитв и помнил их до сегодняшнего дня, удивляя иногда своих друзей.

– Ангел Божий, хранитель мой святой, данный мне с небес от Бога на сохранение, – зашептали его губы, – усердно молю тебя: ты меня ныне просвети и от всякого зла сохрани, к доброму делу наставь и на путь спасения направь. Аминь.

Некоторое время он стоял, не шевелясь. Потом развернулся и пошёл, не перекрестившись, к выходу.

Наступило время расставания. Катя ходила по дому из комнаты в комнату и постоянно утирала слёзы. Изредка она всхлипывала и тяжело вздыхала. Её грудь при этом поднималась, туго натягивая кофту из китайского шёлка, подаренного Сергеем на день рождения.

Широко открытыми глазами Катя смотрела на мужа. В них поселился страх и растерянность. Сергею вдруг показалось, что жена хочет упасть перед ним на колени. Зрачки были неподвижны, в глазах стояли слёзы. Шмыгнув носом, Катя проговорила:

– Серёжа, если ты простишь меня, обещаю: всё будет по-прежнему, вот увидишь. Я стану преданной тебе, рабыней, если хочешь. Только не уходи от нас с Анюткой. Прости, пожалуйста, я согласна на любое твоё условие. Чует моё сердце, добром не кончится твоё решение. Там война – грязь, ужас, смерть.

– По-прежнему уже не будет, и того, что было между нами – уже не вернуть, – Сергей говорил тихо, отрывисто. – Дочку береги. За меня не беспокойся. Деньги получишь через месяц – поручение на перевод своей зарплаты я оформил. Ну, а с Игорем… решай сама. Прислушайся к своему сердцу. Всё. Мне пора. Он вынул из кармана ключи от дома, повертел за колечко, подбросил на ладони и положил на стол.

Катя неожиданно подошла к окну, открыла створки. Свежий ветер с реки ворвался в комнату.

– Видишь дочь? Тебе её не жаль? – Катерина пустила в ход последний свой аргумент. – Неужели ты не хочешь, чтобы Анютка была счастлива?

– Хочу, даже очень хочу. Но я уже не смогу изменить её судьбу. Её будущее определила ты, Катя. И не пытайся меня разжалобить – твоя уловка бесполезна. Проживёте как-нибудь, – хрипло выдавил Сергей. – Ты приспособишься к новой жизни, в этом я не сомневаюсь.

Он посмотрел в окно. Анюта играла с увлечением прибрежной галькой, ползая на коленках. Ком жалости застрял в горле, во рту ощутилась горькая слюна.

«Что-то с ней станется?» – подумалось ему. На миг он представил, как дочь тянет свои ручонки к чужому мужчине. Ему стало не по себе.

– Я не пойду к ней, не стану мешать. Объясни ей, что папа уехал в командировку, надолго. Прощай, – Сергей решительно взял рюкзак и, не оборачиваясь, быстро вышел во двор.

В восемнадцать ноль-ноль, издав прощальный свисток, электричка плавно отошла от перрона, набирая скорость. В одном из вагонов, прижавшись к стене, сидел Сергей Морин.

Школа выживания.

Самолёт, взревев прогретыми моторами, разогнался по взлётному полю и оторвался от земли. Он взял курс на Тбилиси. Вместо Афганистана Сергей Морин направлялся в местечко близ города Лагодехи. О характере предстоящей службы ему не было известно вплоть до прибытия в часть.

Получив первые оплеухи в горах Афганистана, командование Вооружённых Сил СССР стало осознавать: нужны войска специального назначения. Одно из таких подразделений Генштаб ВС распорядился создать в Грузии.

Подбор кандидатур проводился очень тщательно, поскольку к офицеру спецназа ГРУ предъявлялись особые требования.

Сергей Морин был призван из запаса. Предложение послужить в Афганистане поступило от военкома на двухнедельных сборах по переподготовке офицеров запаса.

Во второй половине дня будущий спецназовец прибыл в военный городок. Рослый сержант на контрольно-пропускном пункте проверил документы, пропустил на территорию. Сергей отыскал кабинет командира отряда и не без волнения подошёл к двери. В кабинете он предполагал увидеть стареющего полковника с лысиной на голове. Войдя в кабинет, обомлел. Перед ним сидел… бывший тренер по рукопашному бою.

– Что, земляк, не ожидал? – сияя ехидной улыбкой, спросил он.

– Никак нет, товарищ майор!

– Говори проще, Морин, не чекань.

Майор встал из-за стола и протянул руку для приветствия. Вид у него был усталый, лицо осунулось. Но глаза цвета свежей зелени светились нескрываемой радостью. В нём чувствовалась неиссякаемая энергия. Был он подвижен, по кабинету передвигался пружинистой походкой.

– Что, земляк, в зобу дыханье спёрло? В голове появилась сотня вопросов? Угадал? – забросал вопросами майор, внимательно рассматривая Сергея.

– Точно в десятку попали, товарищ майор.

– Ты прибыл в отряд спецназа ГРУ, Морин. Здесь всё иначе, чем в обычных войсках. Жлобов нет, дисциплина строится на взаимоуважении. Поэтому, можешь называть меня по имени. – Майор задумался на миг, потом уточнил:

– Когда мы с тобой вдвоём, естественно.

– Понял, товарищ майор! – отчеканил Сергей.

– Ну вот, опять заладил своё, – пробубнил майор недовольно.

– Виноват, Михаил Игнатьевич, – повинился Сергей. – Мне привыкнуть нужно.

– Привыкнешь. В спецназе ко всему привыкнешь, – в глазах майора запрыгали чёртики.

– Это ведь я тебя вытащил сюда. Увидел твоё заявление в военкомате с просьбой отправить в Афганистан и включил в список офицеров отряда. Надеюсь, не затаишь обиду на меня?

– Обиду? За что? – Сергей искренно удивился.

– За то, что не пустил за «речку».

– Вы это сделали, я думаю, опираясь на свой опыт.

– Да, – согласился майор. – За «речку» рвутся многие. Только не знают они, что в горах война особая. Ей нас не обучали. Там – засады, внезапность. Моджахед коварен и жесток. Он у себя дома. Мы – пришлые, нежеланные гости. В горах воевать не обучены. Если бы я тебя не перехватил, то, как знать, сколько бы ты успел повоевать? Неделю, месяц? Ты же не кадровый офицер, а запасник. Партизан, как говорят в народе о резервистах.

– Спасибо, тов… Михаил Игнатьевич.

Майор достал из ящика стола пачку сигарет.

– Куришь?

– Ага.

В руках майора была пачка «Опала».

– Подойдут? – спросил он.

– Вполне.

Они закурили, с удовольствием затягиваясь ароматным дымом.

– Фамилию мою помнишь?

– Я её не знал, – признался Сергей. – И никто не знал. Вы для нас были инкогнито. Да и не интересовала нас ваша фамилия – достаточно было имени и отчества.

– Да, ты прав, наверно. Спортзал-то в подвале нелегальным был – восточные единоборства в нашей стране официально запрещены. Да и у меня тогда был не лучший период в жизни – обстоятельства увольнения из армии сложились так, что разумнее было не светиться. О своей фамилии лучше было умолчать. Сейчас-то хоть знаешь?

– Да, прочитал на табличке.

– Хорошо, – Воронцов нажал клавишу громкоговорящей связи и отдал распоряжение:

– Сержант! Два чая, покрепче!

Забулькал телефон засекречивающей аппаратуры связи.

Воронцов взял трубку, лицо засветилось улыбкой. Наступила пауза. Трубка о чём-то поинтересовалась. Наконец, майор радостно сообщил:

– Да, Митя. Сегодня принял ещё одного. Из запасников. Но парень – орёл. Рвётся за «речку». Да, да. Конечно рано. Обучим. Всему. Они даже не представляют, какой сюрприз их ждёт. Да, сообщу. Всё. Пока. До связи, брат, – майор осторожно положил трубку.

Тихо булькнул отбой. В дверь постучали. Воронцов не ответил, но тотчас же на пороге появился рослый сержант. Волосатые лапищи держали маленький поднос. Пузатый чайник с восточной росписью красовался посредине. От кружек поднимался парок. Лёгким наклоном головы Воронцов поблагодарил сержанта. Детина развернулся через левое плечо и вышел.

– Короче, лейтенант, попал ты в очень интересное подразделение, однако. Меня отыскали на гражданке через военкомат и предложили создать отряд специального назначения. Я ведь до увольнения в запас ДШБ командовал, успел побывать «за речкой». Представители разведки объяснили, что к чему, и предоставили большие полномочия. Я согласился. Накануне отправки сюда я и увидел твоё заявление, ознакомился с личным делом. Считай меня своим крёстным отцом. Офицерам из запаса путь в отряд закрыт. Ты – исключение.

– Почему исключение? – поинтересовался Сергей.

– Потому что ты подходишь для службы в спецназе ГРУ по всем параметрам, – сказал Воронцов. – Бывший десантник, мастер рукопашного боя, и, главное, мой проверенный подопечный.

Воронцов понимал, что Сергею нужно сказать всю правду, иначе тот рассудит сложившуюся ситуацию по-своему, и, возможно, неверно её истолкует.

Майор говорил убедительно, Морин сидел и молча слушал.

– Надо понимать, мне повезло? – спросил Сергей.

– У тебя есть сомнения? – задал встречный вопрос майор.

– Если честно – были, сейчас улетучились.

– Очень хорошо, – подытожил бывший тренер и, выйдя из-за стола, опустился на стул рядом с Сергеем.

– Скажи мне честно, что тебя толкнуло на такой шаг?

– Семейная проблема, Михаил Игнатьевич. Но о ней мне не хочется рассказывать, – проговорил Сергей.

– Не говори, не настаиваю, – согласился Воронцов.

– В общем, жена нашла мне замену, семейная жизнь потеряла смысл, – добавил Сергей, подумав, что не имеет права что-либо скрывать перед этим человеком.

– Поня-ятно, – протянул бывший тренер. – Тогда слушай дальше. В вашей группе двенадцать человек. Офицеры и прапорщики. Некоторые из них уже успели побывать в горах Афганистана.

Из вас будут готовить командиров разведгрупп. Полгода, на которые рассчитана подготовка, покажутся вам жестокой пыткой и кошмаром. Обучение пойдёт ускоренным курсом, и за этот короткий срок предстоит научиться выживать. Обычно на такую подготовку офицера спецназа ГРУ отводится несколько лет, вы же должны освоить премудрости разведчика за полгода. Времени на раскачку нет. Как этого достичь – научат инструкторы. Они – высококлассные офицеры-разведчики. Бывали в таких переделках, что и представить трудно. Через пару месяцев поймёшь сам. Спать будешь в казарме, вместе с бойцами. Всё. Сержант проводит тебя в расположение отряда.

Майор пожал руку, и Сергей направился в казарму.

«Воронцов прав, – принялся рассуждать Сергей после отбоя, лёжа под чистой простынёй. – Меня учили ползать на брюхе, стрелять из нескольких видов оружия, прыгать с парашютом. И было много лет назад. Такого багажа в Афганистане, конечно же, недостаточно. Молодец, майор, предопределил мою судьбу. Война завтра не закончится, Афган подождёт».

Со светлой мыслью Сергей заснул.

***

Месяц учёбы пролетел быстро. Всё было, как на срочной службе: подъём, физзарядка, завтрак и занятия на весь день. Ничего сложного, ничего необычного.

«Блефовал майор, когда говорил про пытки и кошмар», – не раз думалось Сергею. Но он ошибался. Воронцов говорил правду. Однажды на построение он явился личной персоной. За ним следовал незнакомый капитан.

– Уважаемые разведчики, – с нескрываемой ноткой ехидства начал своё обращение майор. – Вчера был последний день вашего пребывания в этом санатории. Карантин закончился, вы окрепли физически, пора подумать и о душе. Я говорю о душе бойца спецназа. Она имеет много оттенков и этим отличается от той, которая находится в вас сейчас.

– Во, даёт! Стелет, как комиссар перед революционными матросами, – тихо проговорил Данилов – прапорщик с фигурой борца.

– Ага, – отозвался сосед справа. – Агитирует поработать в банке, который буржуи покинули.

В строю послышался смешок.

– Кончайте травить, дайте послушать, – цыкнул на них Новиков.

Воронцов, будто услышав подковырки подчинённых, закруглился.

– О тонкостях ремесла разведчика вам расскажет капитан Стойчев.

Офицер, чью фамилию назвал Воронцов, словно профессор на кафедре института, прогулялся вдоль строя. Свободная размашистая походка превращала капитана в сугубо гражданского человека. Он остановился напротив Сергея Морина.

– Сейчас я произнесу несколько терминов, о которых, возможно, никто из вас не слышал.

– Ещё один философ нашёлся, – не удержался, шёпотом проговорил Данилов.

А капитан тем временем продолжал:

– Первое. Психологическая устойчивость. Это означает, что боец спецназа должен быть готов убить врага любым способом. Убить, чтобы не быть убитым. Такую задачу на самом низком уровне отработает сегодня первая подгруппа. Второе. Брезгливость. Её нужно преодолеть, чтобы выжить в экстремальных условиях. Что это такое и как с этим бороться, предстоит узнать второй и третьей подгруппам. Остальные будут наблюдать. Вопросы есть?

Вопросов не было. Поступила команда: «По машинам». Группа загрузилась в бронетранспортёры и выехала из расположения городка.

Полигон располагался у подножия небольшой горы. Расстояние до неё составляло не более полутора километров, и БТРы, не успев разогнаться, как следует, тормознули и замерли. Неуклюжий бронированный корпус качнулся вперёд вместе с людской начинкой. Через несколько мгновений он начал выталкивать из своего чрева курсантов.

– Всем построиться! – скомандовал дежурный офицер с красной повязкой на рукаве. Он заведовал полигоном и с видимым удовольствием выкрикивал команды.

Подошёл капитан Стойчев, скомандовал первой подгруппе:

– Первая шеренга, два шага вперёд, марш!

Четыре человека, отхлопав подошвами кирзачей по песчаной земле, приблизились к капитану

– Ваша задача: подойти к собакам – их пять штук – и уничтожить выстрелом из пистолета. Стрелять в голову. Количество выстрелов – минимальное. Пятая собака привязана в стороне от остальных. Её убивает тот, кто освободится первым. Из вас четырёх поощрён будет только один. Вторая и третья подгруппы ведут наблюдение.

Стойчев развернулся в пол-оборота и, как бы нехотя, отдал распоряжение прапорщику:

– Чучалов, выдайте оружие.

– Есть выдать оружие! – с мальчишеской радостью принял распоряжение прапорщик.

Собаки были привязаны к столбам, врытым в каменистый грунт, и злобно рычали. Как только курсанты приблизились к ним, рычание перешло в многоголосый несмолкаемый лай. Животные, словно почуяв скорую кончину, зверели на глазах. Становились на задние лапы и хрипели от верёвки, сдавливающей горло. Потом отступали назад, приседали и вновь готовились к прыжку. Зрелище было не для слабонервных людей. Два прапорщика и два лейтенанта, одним из которых был Сергей Морин, ждали команды.

– Чего стоим, кого ждём? – послышался за спиной вкрадчиво-ласковый, с издёвкой, голос капитана. – Приступайте.

С первого выстрела замертво упали две собаки. Рыжая, в которую стрелял Данилов, и старая восточно-европейская овчарка. В неё тщательно целился Сергей, опасаясь промазать. Две другие были только ранены и пронзительно голосили. Лейтенант Иванцов растерялся, рука дрожала, и пистолет плясал. Пятый патрон заставил собаку замолчать, и она неуклюже завалилась на бок. Её пасть открылась в оскале навсегда. Сделалось тихо-тихо, будто все стоящие стали вдруг глухонемыми и могли общаться лишь жестами. Тишину нарушил спокойный голос капитана Стойчева:

– Вторая четвёрка, получить штык-ножи!

Старшина раздал ножи.

– Задача вашей подгруппы: ободрать шкуры, удалить внутренности, разрубить тушки на куски.

Четыре курсанта с подкатывающей к горлу тошнотой приступили к выполнению задачи. Капитан Стойчев с невозмутимым видом прохаживался перед курсантами третьей подгруппы.

– Лейтенант Суванкулов, – обратился инструктор с улыбкой к офицеру.

– Слушаю, товарищ капитан!

– Как вы думаете, что предстоит сделать вашей четвёрке, если вон там, – Стойчев показал рукой в сторону безмолвных БТРов, – лежат хворост и дрова?

– Разжечь костёр, товарищ капитан.

– Верно, лейтенант. Только слово костёр я бы употребил во множественном лице. Полагаю, вы догадались, какой будет следующая задача?

Суванкулов потупился, опустив взгляд в землю.

– Не решаетесь ответить? Тогда скажу я. Нужно забрать из БТРа котлы и установить на огонь. Будете варить собачатину. Действуйте.

До Суванкулова дошёл смысл предстоящих событий и он, часто моргая, уставился на капитана.

– Что-то неясно, лейтенант?

– Куда уж яснее, – насупившись, ответил курсант.

Если ясно – время пошло! На всё про всё – два часа с четвертью. Задержка ужина чревата последствиями.

После заключительной фразы капитана Стойчева всем стало понятно, с какой целью будет вариться «зверь», добытый в «бою». Двое курсантов не выдержали, стравили содержимое желудка на землю. Капитан, словно упиваясь властью над людьми, тускло произнёс:

– Бричиченькам советую проблеваться прямо сейчас. Два пальца в рот – и кишки пустые. Ужин пройдёт с успехом. Предупреждаю: увильнуть – равносильно наступить на мину и остаться в живых. Такой номер со мной не пройдёт.

– Слышь, Серый, кому он сказал проблеваться? – шёпотом спросил Данилов.

– Бричиченькам.

– Это кто такие?

– Не знаю.

– О чём шепчемся? – поинтересовался Стойчев.

– Бричиченьки – это кто?

– Вы все, если ваш организм отвергнет собачек.

Потом усмехнулся, пояснил:

– Маменькины детки – изнеженные, слабые, брезгливые.

– Местный диалект, – съязвил Данилов по этому поводу.

– Третья подгруппа, слушай меня! – обратился капитан-узурпатор к оставшейся четвёрке. – Ваша задача наиболее сложная. И ответственная.

Курсанты затихли, ожидая очередной пакости. Они были уже готовы ко всему.

– Что присмирели, орлы? Мысли заняты? Подыскиваете для меня подходящее прозвище? Напрасно.

Руки капитана ушли за спину и сомкнулись в замок. Туловище слегка наклонилось вперёд, он заходил, как гусак.

– Попробую пояснить, для чего ставятся подобные задачи перед бойцами спецназа. Командир вашего профиля, как пионер, с сегодняшнего дня должен жить под лозунгом: «Будь готов – всегда готов!» Краток курс в нашей школе, однако выпускник, находясь на задании, должен воспринимать любую неадекватную ситуацию, как обыденную. Для этого нужно перебороть себя, чтобы потом не угодить в психушку.

Капитан говорил легко, будто всю свою жизнь только и делал, что читал лекции по психологической устойчивости и придумывал практические занятия, одно заковыристее другого. Иногда он останавливался и делал длинные паузы. Курсанты в этот момент имели возможность осмысливать услышанное.

– Итак, продолжим урок. Его нам подготовит третья подгруппа.

Стойчев с деланным спокойствием плавно перешёл к теме занятия.

– Перед вами установлена кукла. Внутри тела спрятаны важные документы. Куклу предстоит облачить в форму пехотинца и плотно нашпиговать внутренностями животных. После этого отдых и подготовка к ужину. Вопросы есть?

– Есть, товарищ капитан, – немного смущённо произнёс любознательный Данилов.

– Спрашивай.

– С какой целью закладываются кишки внутрь хэбэ? Неужели к поиску документов приступим ночью?

Капитан злорадно усмехнулся в усы и, растягивая слова, сказал:

– Ваши курсы, что многосерийный фильм. Следующая серия – занятия через два дня. На них вы получите ответ.

– Но внутренности протухнут! – не унимался Данилов.

– В этом и заключается весь сюрприз.

После длительного перекура был ужин. Расположились прямо на земле. Подъехавший прапорщик с двумя бойцами раздал хлеб. Солдаты порезали сварившееся собачье мясо и разлили по мискам бульон. Вопреки ожиданиям, поужинали благополучно. Курсанты, бравируя друг перед другом, давились из-за подступающих спазм и глотали его, почти не жуя. Бульон пили из мисок через край. Лишь один прапорщик не выдержал, сорвался вдруг с места и отбежал в сторону, зажав рот ладонью. Послышался надрывный рык. Курсанты прекратили временно трапезу, но, собравшись с духом, опорожнили миски до дна.

На третий день те же бронетранспортёры доставили спецназовцев на полигон. Капитан Стойчев в начищенных до блеска сапогах, привычно расхаживал перед строем.

– Разведчики, – обратился он с пафосом, впервые назвав стоящих в шеренге курсантов таким словом. – Сегодня вы шагнёте на одну ступень выше по лестнице преодоления брезгливости. Через несколько минут четверо из вас приступят к поиску важных документов. Представьте на миг, что вам необходимо обыскать труп не первой свежести. От результата поиска зависит ваша собственная судьба. – Стойчев замолчал, магическим взглядом обвёл строй. – Представили? Очень хорошо. Задачу будет выполнять каждый из вас. Четверо первых – добровольцы. Для них ставится особая оценка.

Курсанты молчали.

– Серёга, пошли, – шепнул Данилов Сергею. – Шарить в тухлых кишках придётся, так или иначе, так лучше уж в числе первых.

– Ладно, – нехотя согласился Сергей и вышел из строя.

Едва приблизившись к чучелу, он почувствовал тошнотворно-смердящий запах. Одежда на «пехотинце» пропилась кровью и слизью. Захотелось уйти прочь от этого места. Сергей скосил глаза в сторону товарища. Данилов отпрянул от куклы и остановился.

– Что за урод придумал такие испытания? – негромко выругался он. – На кой хрен нам всё это нужно?

– Не на хрен, а для командования. Важный документ надо найти как можно скорее, страна погибает, – съязвил Сергей и, превозмогая рвотный позыв, запустил руку за отворот куртки.

Документ был спрятан надёжно. Потребовалось не меньше минуты, чтобы отыскать его в стружечно-травяной набивке. Всё это время зловонная слизь стекала по руке и густой соплёй зависала на локте. «Важным» документом оказался бланк удостоверения военного специалиста. Сергей подбежал к капитану, доложил:

– Товарищ капитан! При осмотре трупа военнослужащего иностранной державы мною обнаружены важные документы!

Он протянул удостоверение, испытывая злорадство.

– Положи на табурет, – распорядился Стойчев.

– Нет, товарищ капитан. Документы должны быть переданы вам лично в руки, – не согласился Морин.

В глазах капитана засверкали яростные молнии. Он выдержал паузу. Молнии поутихли. Курсанты замерли, наблюдая за поединком.

– Лейтенант, если ты решил выплеснуть свой негатив на меня, то это не тот способ, уверяю. Не играй на публику. Сюжет твоего спектакля бездарный.

Капитан старательно сохранял безразличное выражение лица, но в его голосе исчез доброжелательный тон.

– Многие из вас видят во мне садиста. Это не так. Подготовка настоящего разведчика рассчитана на несколько лет. Ваш срок – полгода. Курс ускоренный, но скидок не дано. Все вы теперь дети спецназа, хотя и приёмные. Пройдёте шоковую терапию. Кто окажется слаб, будет немедленно отчислен. Убеждать больше не буду.

Взгляд инструктора ушёл в сторону и, словно отыскав в пространстве нужные слова, он скомандовал:

– Вторая четвёрка, выйти из строя!

Четыре человека из второй шеренги приблизились к капитану.

– Ваша задача – взять документ и спрятать вновь в потрохах куклы.

Кустистые брови Стойчева в ожидании вопросов поползли вверх. Никто ни о чём не спрашивал. Всё было ясно без слов.

– Выполняйте, – коротко бросил капитан и направился к БТРу. В этот день каждый курсант успел пошарить за пазухой враждебного «пехотинца».

Прошло ещё два месяца. Вспомнились слова Воронцова: «Поверь, полгода покажутся тебе пыткой и кошмаром. Но нужно научиться выживать».

И они учились. По нескольку дней ночевали в горах под открытым небом. Палаток не ставили, сооружали шалаш из подручных материалов. Осваивали минно-подрывное дело, таскали друг друга на себе под видом «раненого» по маршруту марш-броска. По пятнадцать часов сидели неподвижно в буреломах, маскируясь от своих же товарищей, задача которых – обнаружить и обезвредить затаившегося врага. В таких случаях завязывалась настоящая рукопашная схватка. Курсанты возвращались с задания с синяками и кровоподтёками. Учились грамотно убивать, используя своё тело и подручные предметы. Снятие часового снилось по ночам. Особенно выматывали Сергея марш-броски с полной боевой выкладкой. Маршрут пролегал по бездорожью, и протяжённость его составляла более тридцати километров. Пить разрешалось только перед маршем и в небольших количествах.

Единственной отдушиной была суббота. В этот день разрешалось посетить город. Курсанты незаметно для себя разделились на небольшие группы и подружились, как братья. Сергей Морин сошёлся с двумя офицерами и одним прапорщиком. Сближение объяснялось, вероятно, разностью характеров.

Лейтенант Суванкулов, худощавый стройный парень из Ташкента, отличался восточной сдержанностью. Тонкие черты лица как бы подчёркивали его начитанность и остроумие.

Новиков, представленный к званию старшего лейтенанта ещё в родной части и не получивший его до сих пор, был родом из Сибири. В нём жил охотник, и поступки его отличались степенностью и продуманностью. Несколько тяжеловат с виду, он неожиданно для всех преображался на занятиях по физической подготовке, становясь подвижным и темпераментным.

Прапорщик Данилов оказался земляком Сергея, хотя между населёнными пунктами, именуемые в народе Родиной, было три лаптя по карте. Но в армии так заведено: земляк – это вовсе необязательно, чтобы человек был родом из того же города или района. При определении землячества участвовали регионы – Урал, Сибирь, край, округ или даже республика. Исключение составляли москвичи – чопорные и презрительно-надменные парни. Земляком у них признавался только коренной москвич, и даже житель подмосковья являлся для них пасынком.

В одну из суббот все четверо отправились в увольнение. Заводилой выступал Костя Данилов.

– А не пора ли нам, товарищи офицеры, смазать заскрипевшие шарниры? – обратился он к друзьям накануне.

– Так уж и заскрипели? – как бы уточняя, переспросил Сергей.

– А то! В любом суставе есть жидкость, а у нас её нет. Высохла, испарилась. Бегаем, как сайгаки, жрём лягушатину и собачатину! Разве не требуется при такой жизни заливать в организм жидкость для смазки и обеззараживания?

Данилов повёл крутыми плечами. Рельефно сыграли мускулы. Костя до призыва в армию занимался дзюдо и достиг результатов кандидата в мастера спорта. В отличие от узбека Суванкулова был словоохотлив и знал великое множество анекдотов. Отслужив срочную службу в десантных войсках, принял решение остаться на сверхсрочную. Тут и поступило предложение перейти в отряд спецназа ГРУ. Костя без колебания дал согласие. Ему было приятно чувствовать себя наравне с офицерами, которым ещё совсем недавно отдавал честь, приветствуя при встрече. А сейчас у него есть возможность пойти вместе с ними в увольнение и посидеть за одним столиком в местном кафе.

– И что ты, Дан, нам предлагаешь? – спросил его Новиков.

– Что я предлагаю? И вы не догадываетесь? – Сузившиеся до щёлок глаза Кости смеялись.

– Конечно же, нет, – не пытаясь играть в детскую угадайку, ответил Суванкулов. – Ты у нас диверсант, вот и предлагай место для диверсии.

– Ну что же вы, товарищи офицеры, – с укором продолжил Костя. – Пора нам чачи отведать, да на местных красавиц посмотреть. Живём, как затворники, но мы ведь не монахи, и в нас живут мужские желания.

Друзья заулыбались, без слов поддержав прапорщика. Добрались до города, нашли уютное кафе и расположились за столиком в углу. К ним подошёл сухонький юркий официант и застыл в ожидании.

– Давай, Костя, заказывай смазку для суставов, – предложил Новиков Данилову.

– Будь спок, ща всё будет!

Прапорщик взглянул в лицо официанта.

– Мясо по-грузински и пятьсот граммов огненной воды, – заказал он.

– Конкрэтнее, друг. У нас здэсь всё по-грузински.

– Шашлык есть? – вмешался Сергей.

– Есть, дарагой.

– Ну что, друзья, по шашлычку?

Разведчики согласно кивнули головами.

– Водка есть? – спросил Костя.

– Нэт.

– А что есть?

– Ничего нэт.

– Как – нет? Шашлык и без вина?

– Вино есть. Тры литр сразу, мэньше нет.

Друзья переглянулись, не понимая ответа официанта.

– А чача есть? – безнадёжно поинтересовался Данилов.

– О-о! Чача есть! Чача всэгда есть!

– Так это же то, что нам нужно! Неси, дорогой! – воскликнул Костя обрадовано. – А говоришь огненной воды нет.

– Водка, коньяк – запрещён. Чача – нет. Чача – так, напиток. Национальный. Запрэтить нэльзя.

К удивлению курсантов, стол был накрыт довольно быстро. Костя наполнил рюмки.

– Шевельни языком, Марат, – попросил Данилов. – Твой тост будет красивым, говоришь ты мудрёно.

– Да ну тебя, – отмахнулся Суванкулов. – Скажешь тоже.

– Двигани речь, Маратик, не стесняйся. Народ хочет слышать тебя, – поддержал Миша Новиков.

Марат посмотрел на Сергея.

– Я весь во внимании. Начинай.

– Ну, хорошо.

Суванкулов на миг задумался, что-то припоминая, и заговорил ровным голосом с восточной интонацией.

– Могущественный создатель мира наделил человека способностью мыслить и понимать происходящие события. Сделал он это для того, чтобы живущие на земле люди умели отличать добро от зла, истину – от тщательно замаскированной лжи, настоящих друзей – от шакалов. Сейчас я поднимаю свой бокал за то, чтобы мы, наша четвёрка, всегда помнили об этом, какие бы испытания не преподнесла нам судьба. Чтобы те жестокие навыки, которым нас обучают здесь, применялись только оправданно, когда нет другого выхода. Разум и только разум двигал бы нашими поступками.

Друзья отставили рюмки, зааплодировали.

– Ну, ты, блин, даёшь! – восторженно проговорил Костя. – Философ, однако.

– Молодец, Марат, – похвалил Сергей. – Давайте выпьем за светлые мысли.

Все чокнулись и залихватски опрокинули рюмки. Шашлык был сочен и вкусен. Горячие куски мяса обжигали губы, но курсанты не замечали этого, уплетая за обе щёки.

– Давненько я так не оттягивался, – удовлетворённо сообщил Новиков.

– А может, это и не барашек вовсе? – подначил его Данилов. – Может, и здесь собачкой угощают?

– Иди ты, – обиделся Миша. – Не порти праздник, шутник хренов.

Будущие разведчики дружно рассмеялись. Выпили ещё по одной. Раскраснелись.

– Мужики, я вот что хочу сказать, – попросил внимания Сергей, поднимая очередную рюмку. – За три месяца мы выросли в жизнь спецназовца. Научились таким вещам, о которых на гражданке и не мыслили. Обрели настоящую мужскую дружбу. Впереди у всех нас – Афган. Я не знаю, что тревожит меня больше: неизвестность, война, или же расставание с вами. Возможно, всё вместе. Вот если бы Воронцов не разлучал нас, тогда и чужая страна будет восприниматься иначе. Воевать с такими друзьями, как вы, не страшно. Давайте выпьем за то, чтобы в трудной ситуации каждый из нас мог надеяться на плечо друга.

Лица парней посерьёзнели, они встали и выпили молча. Пожелание Морина понравилось присутствующим, взволновало всех. Официант поставил на стол очередной графин с чачей.

– Надеюсь, последний? – спросил Марат и почему-то посмотрел на сибиряка Новикова.

– Я – как все, – виновато ответил Миша. – Хотя с большим удовольствием выпил бы ещё.

– Хорош, мужики. Опрокидываем графин и выкатываемся на улицу, – тоном, не терпящим возражений, подвёл итог застолью Сергей.

– Совершенно справедливо. Мы кто: пьяницы или кавалеры? – весело сориентировался Костя. – Прошло три месяца с того дня, когда я последний раз видел женщин. А грузинок не доводилось встречать вообще. Какие они, эти очаровательные представительницы гор? Не знаю, как вы, а я очень хочу их увидеть и оценить.

– Смуглые и черноволосые, как узбечки, – усмехнулся Суванкулов. – Тебе не понравятся. Ты сам однажды сказал, что самые красивые женщины – блондинки. Или это не ты говорил?

– Пройдёт ещё три месяца, и любая женщина покажется мне красавицей, – ушёл от ответа Костя.

Перед глазами Сергея неожиданно всплыло лицо жены.

«Интересно, вспоминает она обо мне или уже забыла?» – подумалось ему.

Он не писал ей писем и не сообщал свой адрес. «Так будет лучше, – уверял он себя. – Домой попасть смогу не скоро, зачем бередить душу?»

Сергей тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли.

– Всё, мужики. Встали и пошли, – скомандовал он и первым направился к выходу.

Время было позднее, когда разгорячённые курсанты вернулись в городок.

Учёба продолжалась. Нагрузка увеличивалась с каждым днём по геометрической прогрессии. Марш-броски стали делать по ночам, без указания дистанции и времени бега. Под

утро наступало полное физическое истощение. Три часа сна и опять занятия. Приступили к воздушно-десантной подготовке: прыгали с парашютом. Изучали радиодело и английский язык. Вели беседы на фарси. Несколько человек не выдержали перегрузки, их отправили в госпиталь, а затем отчислили из отряда.

Иногда появлялся сам Воронцов, интересовался о чём-то у инструкторов. Он мог внезапно появиться в спортзале и лично провести занятия по рукопашному бою. Потом он куда-то исчезал, и его не видели в городке несколько недель.

Наступил февраль. Погода стояла отвратительная – слякоть и грязь. Курсы подошли к концу. Предстояли показательные учения. Все курсанты жили ожиданием этого дня. И вот он настал.

Десант выбросили в горной местности. Руководитель учений сделал это не случайно. Большая часть обучаемых в ближайшем будущем отправлялась в Афганистан. Руководство школы намеревалось испытать ребят в условиях, приближенных к горам Афганистана.

Выброску произвели ночью, и почему-то произошла задержка на полторы-две минуты. Сергей прикинул: до места сбора придётся топать по острым камням в темноте. Километров десять, не меньше. В группе было двенадцать человек. Задача простая: разбиться на три подгруппы и к рассвету выйти в заданный квадрат. Там окопался «противник», которого нужно было молниеносным броском уничтожить и захватить «секретный прибор».

Спланировано всё было гладко. Задача действительно казалась несложной. Однако непредвиденная задержка с выброской круто изменила все планы. Время выхода в обозначенный квадрат не менялось, а путь удлинился на десять километров. К тому же, было неизвестно, как произошла выброска? Как далеко друг от друга разбросало разведчиков? Сколько потребуется времени для того, чтобы сойтись к месту сбора?

Сергей приземлился неудачно. Несколько минут его волокло по каменистой земле. Ему никак не удавалось погасить купол парашюта. Много раз пытался натягивать передние лямки и всякий раз сильный ветер вырывал их у него из рук. Ладони горели, словно Сергей долгое время держал ими раскалённую сковороду. Хорошо хоть под задницей имелась запаска, а то она, бедная, была бы изодрана в клочья. Наконец, уловив небольшое ослабление потока воздуха, Сергей умудрился резко дёрнуть лямки подвесной системы и вскочил на ноги. Большим прыжком достиг купола и распластался на нём. Купол, рьяно сопротивляясь, всё же потух.

«На кой чёрт нам всё это? – подумалось ему. – Мы же не десантники, и задачи у нас ставятся по-другому». Но тут же отбросил дурацкие мысли, собрал парашют и затолкал его в сумку.

«Придётся бежать, иначе не поспеть к месту сбора, – рассудил Сергей и рысью, почти на ощупь стал продвигаться на север. – Где-то поблизости должны быть Данилов и Суванкулов. Они прыгали передо мной». Сергей ускорил темп.

«Разве это бег, когда тяжёлая сумка с парашютом ритмично долбит по спине? – подумалось ему. – Будто коленкой под зад. Где же ребята? Неужели провалим задачу?»

Начался крутой подъём. Всё, что висело на ремне, а это штык-нож, подсумок с двумя магазинами патронов, три гранаты, сапёрная лопатка, котелок и фляжка с водой – тянуло всё время вниз, прижимало к земле. Сумку с парашютом предполагалось оставить на месте сбора. Учитывая задержку с выброской, приходится тащить её на себе все десять километров. Он остановился, сориентировался.

«Иду правильно», – удовлетворённо отметил про себя Сергей. Впереди что-то сбряцало. Сергей изменил направление и побежал на звук.

– Дан? Мара? – тихо позвал он.

– Серый, ты?

– Я, – обрадовано откликнулся Морин.

Теперь бежали втроём. Дыхание было хриплым, надсадным. Никто не отпускал шуток. Не до этого. Кругом темень, хоть глаз выколи. Все трое пристально всматривались вперёд, желая, как можно скорее увидеть костёр – точку сбора группы. Сердце выскакивало из груди. Хотелось остановиться и броситься на землю – отдышаться. Наконец-то впереди замерцал огонёк.

– Ура! Мы ломим, гнутся шведы! – не сдержав ликования, продекламировал Костя.

Через несколько минут они были у костра. Две четвёрки были уже здесь. У костра стоял майор Воронцов. У него был расстегнут планшет, и он что-то рассматривал на карте.

– Морин, Суванкулов, ко мне! – громко и довольно резко прозвучал голос начальника отряда. – Сегодня вы – командиры подгрупп. В подчинение вам придаются бойцы срочной службы. Поведёте свои четвёрки так: Морин – сюда, – Воронцов показал карандашом направление движения подгруппы, – Суванкулов – сюда. А ты, прапорщик, будешь следовать за ними с двумя бойцами и страховать от всяких случайностей. Идёте скрытно.

– Понял, товарищ майор, – не удержался Данилов.

– Противник засел в скалах. Вот здесь, – Воронцов ткнул в карту. – В шесть ноль-ноль обе подгруппы должны быть в квадрате, где базируется «противник». Затем Данилов с бойцами обходит его с тыла, а Морин и Суванкулов молниеносным рывком сваливаются на «противника» сверху. Стреляйте, забрасывайте гранатами. Не исключён рукопашный бой. «Противник» по численности превосходит вашу группу в три раза. В затяжной бой не ввязываться. Не увлекаться уничтожением живой силы. Главное – прибор. Выполнение задачи рассчитано на внезапность. Берёте прибор и быстро сваливаете. Ясно?

– Так точно, товарищ майор! – в один голос ответили командиры подгрупп.

Воронцов смотрел на молодых офицеров, и у него вдруг возникло неожиданное желание быть вместе с ними, пройти этот нелёгкий путь среди скал, матерясь и чертыхаясь. Подавив необычное желание, сказал:

– Добро. Уверен, что не подведёте. Выполняйте.

Крепкий майор стоял на чуть кривоватых ногах, внушал доверие. От него исходила сила, целеустремлённость и уверенность в себе.

Сергей и Марат подошли к солдатам, поставили задачу. То же самое сделал Данилов.

Переход был изматывающим. Пошёл мокрый снег, который усложнил выполнение задачи. Густая серая крупа залепляла лица. Одежда быстро намокала, становясь задубевшей и тяжёлой. Зачавкало в обуви. Скалы, тянувшиеся на несколько километров, казались бесконечной грязно-белой стеной. В темноте двигаться тяжело. В горах с полной экипировкой, где каждый шаг делается с особой осторожностью, ещё труднее. В любой момент можно загреметь вниз. Ускорить продвижение было опасно. Солдаты в горах были впервые. Велика вероятность оступиться на камнях и упасть, подвернуть или сломать ногу. Тогда задача невыполнима, срыв обеспечен. А этого допустить нельзя. Шли все вместе, на расстоянии вытянутой руки, чтобы в случае чего успеть подхватить товарища. Время неумолимо бежало вперёд, приближая час, когда предстоит совершить внезапный бросок сверху и ошеломить «противника». Гряду скал преодолели на пределе физических возможностей

И всё-таки не обошлось без «ЧП». В самом конце трудного участка, когда намечался спуск, и все облегчённо выдохнули, рядовой Лядов споткнулся и упал. Поднимаясь, опёрся на правую ногу и, громко ойкнув, тут же опустился на землю.

– Что? – спросил Морин озабоченно.

– Не могу встать, товарищ лейтенант. Боль такая, будто в ноге – раскалённые угли.

– Всё, приехали, твою мать, – выругался кто-то из солдат.

Сергей не успел уловить, кто именно это сказал. Уточнять не стал. Ни к чему. Раздражение уставшего человека вполне понятно и оправданно. Стало ясно: Лядова не оставить и

придётся тащить на себе. А сил оставалось только на бросок вниз. Соорудили нечто, похожее на носилки, и двинулись дальше. Перед броском Лядова оставили в небольшом гроте.

– Отдыхай, ты отвоевался. Завладеем прибором – вернёмся, заберём тебя, – успокоил Сергей бойца. – Потерпи пару часов.

– Постараюсь, товарищ лейтенант, – вымученно улыбнулся Лядов. – Подвёл я вас. Желаю удачи.

– На войне – как на войне, без потерь не бывает, не терзайся, – ещё раз постарался успокоить Лядова Сергей. – Жди с победой.

Данилов со своими бойцами присоединился к подгруппе Морина. Заметно рассвело.

– Однако успели, лейтенант! – радостно поделился прапорщик.

– Успели, – без эмоций согласился Сергей и, взяв бинокль, стал изучать позиции «противника».

Его дозор располагался в ложбине. Туда пошёл Суванкулов с бойцами. Он должен отвлечь внимание на себя. На равнине, где стояло несколько палаток, было спокойно. Группу разведчиков не ждали. Всё произошло очень быстро. Как только Суванкулов «засветился», подгруппа Сергея в стремительном броске буквально слетела вниз по расщелине, расстреливая «противника» почти в упор и забрасывая гранатами. Рукопашная схватка была настолько скоротечной, что пехотинцы не смогли оказать никакого сопротивления. Они не владели приёмами рукопашного боя. «Противник» и глазом не успел моргнуть, как «прибор» оказался в руках разведчиков. Задание было выполнено.

– Киношная показуха, не более того, – подвёл итог Суванкулов, когда подгруппы воссоединились в горах.

– Ты думаешь, «духи» повели бы себя иначе? – поинтересовался Костя Данилов.

– Не думаю, а уверен на все сто, – сказал Марат. – Моджахеды – не солдаты первогодки из пехотного батальона. Они – горцы, воюют не один год. Охрана была бы понадёжнее. Я в этом убеждён.

Разведчики, подобрав Лядова, ушли в заранее обозначенный квадрат, где их дожидался представитель отряда. Погода утихла, и они загрузились в вертолёт. При разборке учений обе подгруппы получили хорошую оценку. Воронцов был доволен работой спецназовцов.

Ровно через неделю командир отряда пригласил к себе неразлучную четвёрку.

– Москва запросила у нас две группы для замены в кабульской роте. Я принял решение направить вас, – сообщил Воронцов без предисловия и окинул выпускников испытывающим взглядом.

– У нас есть право возражать? – осмелился спросить Данилов.

– Такого права нет. Документы уже оформлены. – Воронцов невесело улыбнулся. – По правде говоря, жаль, конечно. Рассчитывал уйти за «речку» с отрядом в полном составе. Ну, ничего. Даст бог, встретимся. Мы выступаем следом за вами. Да, кстати, – обрадовано вспомнил майор, – лейтенанта Морина я представил к присвоению очередного звания, временной срок в запасе позволяет это сделать. Обмывать это событие будете уже в дружественной нам стране. Всё.

Майор пожал на прощание руку каждому и куда-то заторопился. До отъезда они больше не виделись.

На пути в Кабул.

В Термез группа прибыла на рассвете. Тишина и уют большого города позволили расслабиться личному составу. Ещё в дороге Сергей расспросил Марата об этом городе. Из рассказа следовало, что Термез когда-то был крепостью. Потом сюда прибыли русские поселенцы и переделали, перестроили её на свой лад. Сейчас город во многом отличался от обычных среднеазиатских поселений. Стоял февраль, и деревья были ещё обнажены, но стоило бросить беглый взгляд на аккуратные домики, и можно было легко вообразить, как выглядят они в окружении цветущих яблонь, как ласковые солнечные лучи пробиваются через их кроны.

Прибывших разведчиков встретил подполковник с петлицами мотострелка. Он вышел из «уазика», представился:

– Подполковник Смирнов. Уполномочен встретить вас и временно расквартировать в нашей части. – Он протянул руку, поздоровался.

– Старший лейтенант Новиков. Возглавляю прибывшую группу, – ответил на приветствие и представление Миша.

Подполковник пожал руку каждому офицеру и прапорщику Данилову. Они представились и отошли, встав в полукруг.

– Трое суток придётся позагорать, – сообщил Смирнов. – Подойдут мотострелки и десантники, будете двигаться сводной колонной. Задача на сегодня: снять БМП с платформ и отогнать в часть. Вопросы есть?

Голос подполковника прозвучал высокомерно и повелительно. Спецназовцам это не понравилось. Командовать группой могли лишь несколько высокопоставленных лиц из штаба сороковой армии. Только по причине того, что разгрузка и расквартирование было поручено холёному подполковнику, разведчикам пришлось смириться и промолчать.

– Чупеня, ко мне! – раздалась властная команда Смирнова.

Прапорщик Чупеня, низкорослый, стриженый под «ноль» увалень на кривых ногах, вывалился из «уазика» и подбежал к командиру.

– Свяжись по рации с Тихонюком, пусть вышлет автобус. Поедешь вместе с ними. Палатки поставили вчера, сам видел. В общем, расквартируй и поставь на довольствие. Меня отвези в часть.

– Есть! – отозвался Чупеня ретиво.

– Спасибо за заботу, товарищ подполковник. Автобус не нужен. Оставьте прапорщика, мы прибудем на броне, как только выгрузимся, – вежливо поблагодарил Миша Новиков.

От подполковника не ускользнул оттенок иронии, полной сарказма. Его глаза бешено завращались, он с негодованием выпустил воздух. Не привык, видать, офицер, чтобы ему возражали.

– Что значит, автобус не нужен?

Язык подполковника зудил от сильного желания повластвовать над прибывшими, приказать им, заставить подчиниться, унизить за скрытую насмешку. Увидев, как невозмутимо держатся офицеры спецназа, он махнул рукой.

– Чёрт с вами! Было бы предложено. Чупеня! Отставить связь с Тихонюком!

– Есть! – прапорщик козырнул и вновь уставился на подполковника с преданностью раба.

– Чего лупишься? Поехали! – раздражённо выпалил Смирнов, и «уазик» укатил.

С трудом согнали с платформ БМП. Приданные разведчикам механики-водители оказались зелёными первогодками, навыки вождения у них почти отсутствовали.

– О чём только думают наверху? – возмутился Новиков. – Ладно, не дали БТРов и подсунули сраные БМПэшки, так ещё и посадили в них желторотиков. Перебьют при первом же задании!

Механики виновато хлопали глазами и с удесятерённым усердием старались доказать старшему лейтенанту, что они не такие уж неумехи, как думает о них он.

К палаточному городку, где отряду предстояло переждать три дня до окончательного формирования колонны, подлетели почти на предельной скорости. Прапорщик Чупеня показал палатку, где прибывшим спецназовцам предстояло провести трое суток. В палатках были установлены буржуйки, и вечером ощущалась духота, а под утро стало холодновато.

На следующий день разведчики, позавтракав, пошли знакомиться с городом. На небольшой площади стояли лавки. Перед ними на длинных печах дымились котлы с пловом и шурпой. Неподалёку были устроены навесы из плетёного камыша. Под навесами стояли столы и скамейки. Новиков предложил присесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.